

Надежда Верещагина

КУЛЬТ КНЯГИНИ ОЛЬГИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕКИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

*Духовно возвеселитесь,
Русские земли,
память чествуя
Ольги богомудрой.
Ибо молится
вечно Христу
с чудотворцами
и мучениками,
помощницу имея
святую Богородицу,
об избавлении
от бед и печалей
с верою воспевающим
и поклоняющимся гробнице
нетленного ее тела¹*

Княгиня Ольга (?–969), жена киевского князя Игоря, мать Святослава и бабка Владимира, стала первой христианкой в династии Рюриковичей. С именем Ольги соотносят так называемое “второе” крещение Руси. Известно, что княгиня приняла христианство во время своего визита в Константинополь. Относительно года пребывания Ольги в столице Византийской империи в историографии развернута оживленная дискуссия. В свете последних исследований это событие датируют 957 г.²

В исторической памяти образ княгини неоднозначен. А в Повести временных лет – бинарен. Сквозь лик святости проступают черты языческого культа Рода и земли³. Однако христианское почитание предполагает гиперболизацию только одного начала, связанного с эманацией божественной благодати. В той же Повести под 969 г. она прославляется как предтеча русского христианства: “*Радуйся, руское познание къ Богу, начатокъ примерению быхом*”⁴. Почитание княгини как местночтимой святой восходит

¹ Стихира княгине Ольге // *Серегина Н.С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994, с. 289.

² *Гордієнко Д.* Княгиня Ольга: дискусія навколо хрещення // *Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Збірка статей на пошану д. іст. наук, проф. Н. М. Нікітенко.* К., 2011, с. 30–47.

³ *Александров О.* Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізмом. Одеса, 2010, с. 118–124.

⁴ Повесть временных лет [по Ипатьевскому списку] / Изд. подг. О.В. Творогов // *БЛДР.* СПб., 1997, т. 1.: XI–XII века, с. 116.

к начальному периоду христианизации государства и культуротворческой деятельности крестителя Руси князя Владимира Святославича. Существуют многочисленные свидетельства формирования культа Ольги в киевский период. Согласно сведениям источников, Владимиром было инициировано перенесение останков Ольги с первоначального места захоронения в Киеве (точно в источниках не указанного) в Десятинную церковь. Очевидно, это произошло вскоре после освящения собора. Полагают, что об этом сообщает летописная запись 1007 г.: *“Принесени святии въ святую Богородицю”*⁵. Подробно событие описывает Степенная книга. Как отмечено исследователями, ряд статей, включенных в этот поздний памятник, в том числе рассказ о перенесении мощей Ольги, носят древний характер⁶. Судя по описанию, киевская акция вполне соответствовала установившемуся ритуалу литии, включавшему использование благовоний, процессионных крестов и свечей: *“Владимир с первосвятителем Леонтием со священным собором и ликом иноческим и множеством народа и все вкупе с иконами и крестами и свечами и с фимиамом торжественно шествие творили с усердием до места, где было погребенно тело Ольги и прийдя, повелел копать землю и обрета тело святое блаженной Ольги и ничто образ не изменился и неповреждено и цело и в одежде. Владимир с архиереем и прочими целовал святыи моши <…> и облаговониша с ароматы <…> переложена была в новую раку и понесли в соборную церковь, возглашая псаломское песнословие, и прочие подобающие священнослужению великолепно исполнялись. На уготованном месте была поставлена рака с нетленными мощами святой Ольги от нее же многие чудеса исцеления”*⁷.

В этом контексте особый интерес представляет киевский медный крест-энколпион XII – начала XIII в., ранее не привлекавший внимания исследователей. На одной из сторон энколпиона изображены стоящие рядом два персонажа с нимбами. Надписи над ними сообщают, что это свв. Ольга и Николай⁸. Десятинная церковь была древнейшим центром формирования

⁵ Макарий (Булгаков), архиеп. Харьковский [митроп. Московский]. История русской церкви. СПб., 1868, т. 1, с. 86–87; Васильев В. История канонизации русских святых // ЧОИДР. 1983, кн. 3, III. Исследования, с. 74; Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969, с. 22; Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979, с. 63–64.

⁶ См. напр.: Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947, с. 58–75.

⁷ ПСРЛ. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908, ч. 1, с. 28.

⁸ Петров Н. Историко-топографические очерки древнего Киева. К., 1897, с. 258; Древности русские. Кресты и образки. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко. К., 1899, вып. I, с. 12, табл. IV, № 49.

культы св. Николая и в ней находился алтарь, посвященный святителю. Поэтому не случайно княгиня, чьи мощи почитались в этом храме, представлена как святая рядом со св. Николаем. Иконографическая композиция указывает, что гробница княгини находилась в приделе, посвященном святителю.

Несомненно, тогда же в Киеве было установлено празднование памяти благоверной княгини⁹. В связи с открытием, перенесением мощей и явлением чуда их нетления должен был появиться и первый текст, посвященный Ольге. Очевидно, текст жития первоначально составлялся при Десятинной церкви¹⁰. Проложное житие Ольги содержит летописная статья 969 г. В завершение похвального слова утверждается ее молитвенное предстояние за русский народ перед Богом: “*Радуйся, русское познание къ Богу, начатокъ примерению быхом*”¹¹. Сохранившийся рукописный материал датируется XIII – началом XIV в. и представляет собой краткие проложные жития¹². По мнению А. Шахматова, житие заимствовано автором из бытовавшего рассказа о крещении и кончине княгини, поскольку указания на нетленность ее останков имеются в древнем Прологе и в “Похвале Ольге” Иакова Мниха¹³. Все три источника сообщают о паломничестве к ее нетленным останкам¹⁴. Е. Голубинский отмечал, что подобное открытие мощей могло предшествовать формальному причислению к лику святых, т. е. они были положены с явным расчетом на будущую канонизацию¹⁵. Обращает на себя внимание литургическая титулатура Ольги в древнерусской агиографии, где она именуется “*предтече роуськое к Богу*”¹⁶.

В “Службе княгине Ольге” акцент поставлен на личном крещении святой и беспощадном искоренении ею язычества. Исследователи

⁹ Макарий (Булгаков), архиеп. Харьковскій [митроп. Московскій]. Указ. соч., с. 88.

¹⁰ Насонов А.Н. Указ. соч., с. 22–23.

¹¹ Повесть временных лет., с. 116.

¹² Серегина Н.С. Песнопения русским святым. СПб., 1994, с. 59; Осокина Е.А. Древнейшие тексты, посвященные святой княгине Ольге // Вестник РГНФ, 2000, № 3, с. 177; Пичхадзе А.А., Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005, с. 289–290.

¹³ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 116–117.

¹⁴ В Новом Летописце, опубликованном в XVII в., говорится не о нетленных мощах, а о костях: “*Кости же ее в царство внука ее равноапостольного Владимира и митрополита Леонтия обретошася целы*” [Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 57].

¹⁵ Голубинский Е. Указ. соч., с. 56.

¹⁶ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты) // ЧОИДР. М., 1915, с. 6.

относят текст к раннему этапу развития русской гимнографии¹⁷. О домонгольском происхождении памятника свидетельствует упоминание княгини раки, находившейся в Десятинной церкви¹⁸. Ольга сопоставляется с величайшими христианскими подвижникам и поэтому часто называется в тексте “новой”, “уподобившейся” и “повторившей”, а также именуется “богомудрой”, “преславной”, “блаженной”. Вместе с тем, в отличие от других памятников, в службе княгиня не соотносится с равноапостольной Еленой, что, видимо, обнаруживает стремление гимнографа подчеркнуть некую беспрецедентность ее подвига в христианской истории. Молитвенная тональность изложения сближает “Службу княгине Ольге” со “Службой князю Владимиру”¹⁹.

Исследователей смущает тот факт, что месяцесловы не указывают день памяти киевской княгини до конца XIV в. На фоне широкой распространенности в месяцесловах памяти других русских святых это может быть свидетельством ее поздней канонизации²⁰. Вместе с тем в южнославянском Прологе XIII – начала XIV в. под 11 июля читается “*преставление св. царице рушьские Ольги, праматерь всех царей Рушьских*”. Эта титулатура исходит из собственно сербской, а не русской церковной практики. И если русские месяцесловы усваивают сербскую формулу, то это процесс обратный, которому предшествовало проникновение имени Ольги в сербские церковные святцы²¹.

Церковное прославление княгини тесно связано с почитанием ее реликвий. В древнейшем проложном варианте жития в болгарской рукописи XIII в., переписанной с русского протографа, говорится, что ее тело было положено Владимиром в деревянную раку. То же сообщение содержится в русском Прологе XVI в.: “*Внук ея Володимер крести всю землю и създа церковь в имя святыя Богородица, и взем от земля тело бабы своая нетленно, и вложи е в раку древяну, и постави ю в церкви святыя Богородица*”²², а по информации Иакова Мниха, в Десятинной церкви святыня покоилась в каменной, т. е. шиферной²³, гробнице: “*Въ гробе, иде же лежитъ*

¹⁷ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996, с. 380; Осокина Е.А. Указ. соч., с. 177–178.

¹⁸ Серегина Н.С. Указ. соч., с. 62.

¹⁹ Джиджора Е. Исследования по средневековой литературе XI–XV вв. Одесса, 2012, с. 142–145.

²⁰ Лосева О.В. Русские Месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001, с. 89–90.

²¹ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986, с. 47–48.

²² Пичхадзе А.А., Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К. Указ. соч., с. 302.

²³ Согласно археологическим данным, каменные саркофаги собирались из плит красного шифера (пиррофилитовый сланец), имеющего местное овручское происхождение.

*блаженное и честное тело блаженной княгине Ольги, гробъ камень малъ въ церкви святыя Богородица, ту церковь созда блаженнии Володимиръ*²⁴. Удивляет указание на то, что гроб княгинин был “мал”. Мог ли Владимир похоронить княгиню Ольгу в некоей малой гробнице? Видимо при переписывании текста произошла ошибка. Н. Серебрянский предлагал читать выражение “*гробъ камень малъ*” как “*гробъ мороморянь*”, то есть мраморный²⁵. В древней стихире на память преподобной Ольги говорится, что “кивот” со святыми мощами был “позлащен”²⁶. Сведения о том, когда и кем деревянный гроб был заменен на каменный, окован и позолочен, отсутствуют²⁷. Это первый упомянутый в источниках случай изготовления драгоценного ковчега для мощей в древнекиевский период по заказу княжеской верхушки. Однако источники, сообщая о погребении киевских князей, не упоминают об оформлении их раков драгоценным металлом. Очевидно, в Киеве так украшались только саркофаги святых, что свидетельствует об упрочении практики почитания священных останков. Традиция оформления гробниц золотом, серебром и драгоценностями восходит к греческой практике. В Константинопольской Софии гроб св. Иоанна Златоуста был “*покровен дъскою, утворенную златом и каменiem драгим*”²⁸. Известен этот обычай и в Западной Европе²⁹.

Обращает на себя внимание сообщение Иакова о том, что мощи благоверной княгини лежали открыто и их можно было видеть через прозрачную панель в крышке гроба: “*И есть гробъ блаженныя Ольги и наверху гроба оконче створено и туда видити тело блаженныя Ольги лежаще цело. Да иже с верою придетъ, отворитя оконче и видить честное тело, лежаще цело и дивяся чюду такому, толико леть в гробе лежащую телу не разрушимуся*”³⁰. Практика почитания целокупных мощей в незакрытых гробах также восходит к византийской традиции. О наличии в Константинополе подобных гробниц сообщают древнерусские паломники: “*А в олтаре святыя Софеи у великого престола есть гроб святаго Ивана Златоустого*

²⁴ Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку / Изд. подг. А.А. Зимин // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, 1963, вып. 37, с. 69.

²⁵ *Серебрянский Н.* Указ. соч., с. 33, прим. 2.

²⁶ Кирилла мниха канон и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира // СОРЯС. СПб., 1907, т. 82, № 4, с. 88–94.

²⁷ *Айналов Д.* Судьба киевского художественного наследия // ЗОРСА. Пг., 1918, т. XII, с. 32–33.

²⁸ Анонимное хождение в Царьград // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984, с. 82.

²⁹ *Пановский Э.* Аббат Сюжер и аббатство Сен-Дени // Богословие в культуре средневековья / Пер. и коммент. А.Н. Панасьева. К., 1992, с. 81–106.

³⁰ Память и похвала..., с. 69.

<...> *А сам лежить аки жив, бе бо весь цел и ничтоже уныло умыи ни от риз, ни от влас, но благоухание велие испущает и до селе*³¹. Учитывая подробности описания, можно не сомневаться, что речь идет об открыто лежащих мощах. Игумен Даниил в палестинских обителях неоднократно видел мощи святых угодников, лежащие “в телесах”, “яко живи”³².

Киевское предание, опубликованное в нескольких изданиях начала XIX в., связывало с именем киевского митрополита Петра Могилы (1632–1647) обретение под руинами Десятинной церкви гробницы с мощами княгини Ольги, которую митрополит перенес в возведенную им на юго-западной части древних фундаментов церковь, “но после неприятельских нашествий скрыл сии мощи под полом”. С. Голубев критически отнесся к этой легенде, справедливо полагая, что, если бы она соответствовала действительности, то сам митрополит, неоднократно упоминавший об обретении им останков св. Владимира, оставил бы свидетельство и об этом факте³³. В 1826 г. в ходе раскопок Десятинной церкви, снаружи у северной стены был обнаружен резной саркофаг в форме “домика с двускатной крышей”, выполненный из розового шифера. В гробнице были “найжены все сохранившиеся кости, на оных истлевшая женская одежда, парчевое покрывало и башмаки”³⁴. Из летописи известно о двух женских княжеских погребениях в Десятинной церкви – Ольги, бабки Владимира и его жены Анны. Поскольку саркофаг Анны был мраморный, гробницу адресовали Ольге. Не обошлось без легендарных подробностей: “Говорят даже, что в первую минуту, пока еще не прикоснулся воздух, можно было ясно видеть весь сохранившийся облик”³⁵.

В 1908 г. при раскопках северной части Десятинной церкви Д. Милеевым вновь была обнаружена эта гробница. Из-за плохой сохранности скелета мнения специалистов разделились: одни полагали, что останки принадлежали мужчине, другие – женщине. Большинство ученых отвергает атрибуцию погребения княгине Ольге, поскольку захоронение изначально находилось за пределами храма, а, значит, не могло принадлежать первой княгине-христианке, торжественно погребенной ее внуком князем Владимиром³⁶. Кроме того, если учесть, что гробница княгини была окована

³¹ Анонимное хождение..., с. 82.

³² Хождение игумена Даниила // БЛДР. СПб., 1997, т. 4: XII век, с. 61.

³³ Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. К., 1898, т. II, с. 435.

³⁴ Закревский Н. Описание Киева. М., 1868, с. 289.

³⁵ Описание Десятинной церкви в Киеве. К., 1872, с. 15.

³⁶ Каргер М. К. Княжеское погребение XI века в Десятинной церкви // КСИИМК. М.–Л., 1940, вып. 4, с. 17; Архипова Е. Резной камень в архитектуре древнего Киева. К., 2005, с. 47–49.

и позолочена, вопрос о принадлежности найденного шиферного саркофага св. Ольге снимается. Д. Айналов, ссылаясь на псковский синодик, полагал, что гробница с мощами княгини Ольги во время батыева нашествия могла быть перенесена в северные земли³⁷.

Современные исследователи датируют найденную в Десятинной церкви гробницу XI–XII вв. В XI в. в Киеве уже были собственные мастера-камнерезы, изготавливающие “многочисленные шиферные саркофаги для погребений киевской знати. Среди них наряду с гладкостенными известны и саркофаги сплошь покрытые барельефной резьбой, аналогичной резьбе на архитектурных деталях”³⁸. Очевидно мастера, изготавливавшие гробницу, в определенной мере ориентировались на резьбу саркофага Ярослава Мудрого или других мраморных гробниц, находившихся в то время в Десятинной церкви³⁹. Саркофаг представлен в выставочной экспозиции Национального заповедника “София Киевская”, останки не сохранились.

Древнее проложное житие Ольги сообщает о чтимой святыне – кресте благоверной княгини, которым она была благословлена при крещении и принесла в свою землю. Самый ранний источник, повествующий об этом – славянская рукопись XIII в., известная как Синайский палимпсест. Приведем этот текст по русскому Прологу XVI в.: “И приимши от патриарха крест и прозвитера, прииде в свою землю. И тѣй крест и доньне стоить в святей Софии в олтари на десной стране, имея писмена сице: „Обнови ся Руская земля святым крестом”. Егоже приа Олга, благоверная княгини, и обхожаше всю Рускую землю”⁴⁰. По мнению М. Оболенского, Иларион, обращаясь к Владимиру, прямо говорит об этом кресте: “Ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новааго Иерусалима, Константина града, и сего по всеи земли своеи поставивша, утвердиста веру”⁴¹.

Интересен тот факт, что киевская святыня занимала в Софийском соборе место аналогичное тому, которое занимал крест св. равноапостольного Константина Великого в Софийском соборе Византийской империи – в алтаре с правой стороны. Крест Константина во время торжественных процессий несли перед царствующим императором. Формы почитания креста княгини Ольги в Киеве в источниках не указаны, но логично предположить, что он также принимал участие в особо важных церемониях.

³⁷ Айналов Д. Указ. соч., с. 34.

³⁸ Каргер М.К. Древний Киев. М.–Л., 1958, т. 1, с. 472.

³⁹ Архипова Е. Указ. соч., с. 48–49.

⁴⁰ Пичхадзе А.А., Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К. Указ. соч., с. 301.

⁴¹ Оболенский М. О двух древнейших святынях Киева // Киевлянин. М., 1850, кн. 3, с. 147.

Нет сомнения, что по византийской традиции в средокрестие была вложена частица животворящего древа и другие святыни.

Некоторые исследователи пытались выяснить дальнейшую судьбу реликвии. По сведениям протоиерея П. Орловского, “золотой крест княгини Ольги” находился в Софии еще в XIV в. *“Где он ныне, точно неизвестно. В Кракове, в кафедральном соборе св. Вацлава хранится в ризнице большой золотой крест с частию животворящего древа креста Господня, со старинною славянскою надписью: “Киевской Митрополии”. Не Ольгин ли это крест, унесенный сюда унитами из Киева?”*⁴².

М. Оболенский опирался на свидетельства польских источников XVII в. В них говорилось о кресте, выполненном из целого куска животворящего древа, который св. Елена прислала в дар своему сыну Константину Великому. Согласно преданию, этот крест, будучи собственностью византийских императоров, был дан как приданое принцессе Анне, супруге князя Владимира и привезен в Киев. В начале XV в. киевский католический епископ с разрешения киевского князя перенес его в Польшу, где реликвия почиталась в доминиканском монастыре Люблина⁴³. Таким образом, польские источники “Ольгин крест” адресовали княгине Анне, жене Владимира. И это не удивительно. Понятно, что порфирированная принцесса Анна по традиции получила в приданое самые почитаемые реликвии. Так, в 972 г. племянница императора Цимисхия, выходя замуж, также увезла среди святынь часть древа св. Креста Господня⁴⁴. Вполне вероятно, что в Киеве находились два сакральных креста, принесенных княгинями Ольгой и Анной⁴⁵.

Историки Церкви и псковской старины среди святынь, связанных с благоверной княгиней, называли сани Ольги, хранившиеся в Пскове, а также крест, сгоревший в псковском Троицком соборе в 1509 г.⁴⁶

Из источников известно и о драгоценном княгинином блюде, которое Антоний Новгородский видел в Софии Константинопольской: *“блюдо велико злато служебное Ольги Руской, когда взяла дань, ходивши*

⁴² Орловский П., протоиерей. Св. София Киевская, ныне Киево-Софийский кафедральный собор. К., 1901, с. 13.

⁴³ Оболенский М. Указ. соч., с. 147–149.

⁴⁴ Ремизов М.Н. Византия и византийцы конца X-го века. М., 1896, с. 53.

⁴⁵ Из последних работ по этой теме см.: Синкевич Н. Реліквії та чудотворні ікони Софії Київської. К., 2011, с. 17–21; Нікітенко Н., Корнієнко В. Реліквія Чесного Хреста і фрески Софії Київської // Могилянські читання 2011 року: Зб. наук. пр.: Християнські реліквії: вивчення, збереження, експонування. К., 2012, с. 83–93.

⁴⁶ Реликвии святых князей // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006, с. 341.

ко Царюграду <...> Во блюде же Олжине камень драгий, на томъ же камени написанъ Христось, и отъ того Христа емлють, печати людие на все добро; у того же блюда все по верхови жемчюгомъ учинено⁴⁷. Как неоднократно отмечалось в литературе, это описание близко к описанию блюда, на которой киевской княгине были преподнесены дары во время приема в императорском дворце. По свидетельству Константина Багрянородного, русской архонтиссе было поднесено «в золотой, украшенной драгоценными камнями чаше 500 миллиарисиев⁴⁸. Был ли это один и тот же сосуд? Д. Айналов считал, что под служебным блюдом, о котором говорит Антоний, надо понимать богослужебную утварь, а не то блюдо, на котором княгине были поднесены деньги⁴⁹. Г. Литаврин также убежден, что, поскольку в аналогичной чаше был сервирован десерт, блюдо, подаренное Ольге, не могло быть ритуальным⁵⁰. Другие же исследователи допускают, что Ольга получила из рук императора драгоценную литургическую утварь и принесла ее в дар св. Софии как вотивное подношение⁵¹.

Таким образом, прославление княгини Ольги как святой характерно для самого раннего периода киевской Церкви и начинается в княжение князя Владимира – христианизатора Руси. Становление культа княгини тесно связано с формированием культа ее мощей и реликвий, что обнаруживает свои истоки в византийской практике почитания христианских святынь.

⁴⁷ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями Павла Савваитова. СПб., 1872, стлб. 58–59.

⁴⁸ Литаврин Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000, с. 364.

⁴⁹ Айналов Д. Дар св. княгини Ольги в ризницу церкви св. Софии в Царьграде // Труды XII археологического съезда в Харькове 1902. М., 1905, т. III, с. 1–4.

⁵⁰ Литаврин Г. Указ. соч., с. 364.

⁵¹ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901, т. 1: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома, с. 102; Сахаров А.Н. Дипломатия княгини Ольги // ВИ, 1979, № 10, с. 38; Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры. М., 1994, с. 143.